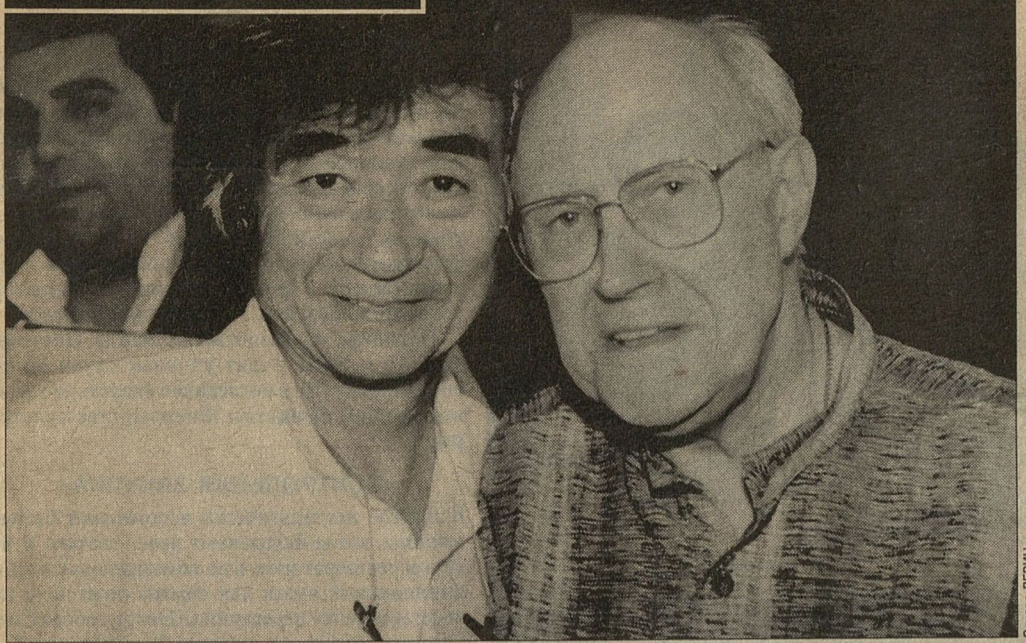

СОБЫТИЕ

Сеиджи Озава и Мстислав Ростропович

Братья Сейджи и Слава

Когда в конце 80-х Мстислав Ростропович и Галина Вишневская с триумфом возвращались на родину из, как им казалось, бессрочного изгнания, в Шереметьеве среди плакатов, встречающих маэстро, был такой: «Браво, Ростропович! Спасибо за Солженицына!» Сегодня эту здравницу можно перефразировать: «Спасибо за Озава!» Японский дирижер очень давно не посещал Москву, и, наверное, только энергия Ростроповича, которого Озава на пресс-конференции назвал «великим старшим братом Славой», дала меломанам Москвы и Петербурга возможность два вечера внимать оркестру «New Japan Philharmonic» во главе с его почетным художественным руководителем.

Братья Сейджи и Слава имеют много общего. Оба выдающиеся музыканты, оба отличаются глобальностью замыслов и, главное, адекватностью их воплощения. Так, одна из последних «всемирных» акций Озава была представлена на открытии Зимней Олимпиады в Нагано, когда мастер дирижировал финалом Девятой симфонии Бетховена. В этом исполнении принимали участие хоры коллективы четырех континентов, связанные друг с другом посредством спутниковой связи. Другим крупным проектом японского дирижера и оркестра «Нью Джапан Филармоник» стало исполнение всех симфоний Йозефа Гайдна; для справки — их сто четыре. Есть и еще одно достижение, достойное Книги Гиннеса — Сейджи Озава уже двадцать пять лет стоит за пультом Бостонского симфонического оркестра, о чем с показной ворчливостью не преминул сообщить журналистам его великий старший брат: «Это больше, чем любой дирижер в Америке. Я продержался во главе Национального симфонического оркестра США каких-то 17 лет!»

Мост культуры «От сердца к сердцу» ознаменовал, в числе всего прочего, и тридцатилетие знакомства музыкантов. В 1967 году в Торонто Ростропович осуществлял североамериканскую премьеру Второго виолончельного концерта Шостаковича, а за пультом стоял молодой японский дирижер, к которому тогда еще советский маэстро «поначалу отнесся с подозрением». Однако по приезде в Москву Мстислав Леопольдович появился у Шостаковича и сказал: «Обратите внимание на имя: Сейджи Озава». Через тридцать лет, увидев телерепортажи о встрече Бориса Ельцина и тогдашнего японского премьер-министра Рютаро Хасимото «без галстуков», Ростропович решил проделать что-либо подобное на высшем музыкальном уровне. Вышло очень похоже — даже в плане отсутствия галстуков: эта часть мужского костюма не предусмотрена регламентом фрака. А на второй день московской части программы к музыкантскому саммиту присоединились Президент России и экс-премьер Японии. Правда, после первого отделения Ельцин покинул зал...

Программа концертов была явно рассчитана «на Ростроповича»: каждое сочинение является знаковым в творческом пути российского музыканта. Виолончельный концерт Антонина Дворжака с Ростроповичем уже почти полвека: в 1949 году мастер впервые исполнил его в Праге, чуть позже записав пластинку с известным чешским дирижером Вацлавом Талихом. «Дон Кихот» Рихарда Штрауса — «фантастические вариации на тему рыцарского характера» — был сыгран мастером при почти детективных обстоятельствах в конце 50-х. В те годы композитор считался «буржуазным декадентом» и даже пособником фашизма (несколько лет Штраус формально работал под началом Геббельса, возглавляя Имперскую музыкальную палату). Молодой преподаватель Московской консерватории Ростропович исполнил «Дон Кихота» на заседании научного студенческо-

го общества и попутно дал лекцию о творчестве Штрауса. Тогдашний председатель НСО Манашир Якубов вспоминает: «Назавтра нас вызвали в дирекцию, но дело было сделано». Российская судьба «Военного реквиема» Бенджамин Бриттена сложилась более удачно. Бриттен был дружен с Шостаковичем и с его подачи проходил в глазах советских функционеров по категории «прогрессивных западных деятелей культуры». Его лондонская премьера, где должна была петь Вишневская, состоялась в начале 60-х; с тех пор «Реквием», где канонический латинский текст сочетается со стихами английского поэта Уилфреда Оуэна, довольно часто исполняется в мире и в нашей стране.

Мстислав Ростропович давно не радовал московскую публику концертами по «основной специальности» — виолончели; поэтому зал с особой придирчивостью ожидал исполнения Дворжака и Штрауса. В концерте Озава облегчил «старшему брату» работу: как говорят музыканты, он практически полностью «подложил» оркестр под солиста. Зрители убедились, что старательные японцы — тоже люди: медные духовые в этих условиях временами «киксовали» под стать любому российскому коллективу, да и явные несовпадения во фразировке также имели место. Поэтому важный для славянской композиторской школы элемент оркестровой нюансировки, несомненно, пострадал. Ростропович был прекрасен в медленных

и тихих эпизодах концерта, особенно во второй его части, но целостного Дворжака на этот раз не вышло. Зато в «Дон Кихоте», симфонической поэме с солирующими виолончелью и альтом, харизматический дар Озава не сдерживало ничто. Его инструментальный театр развернулся во всех красках; единственное, что можно поставить в упрек, — отсутствие на авансцене рядом с виолончелистом безымянной японской альтистки, чья трактовка «роли» Санчо Пансы немногим уступала рыцарю печального образа в исполнении Ростроповича. Но «Военный реквием» в точности соответствовал авторскому замыслу. Два оркестра — большой, поддерживающий традиционную заупокойную мессу (за пультом Ростропович), и камерный, под аккомпанемент которого озвучиваются тексты Оуэна; им управляет Озава. Камерный оркестр в свое время брал под начало Бриттен. Плюс большой хор (капелла Валерия Полянского), хор мальчиков и три солиста — Эйко Морикава, Андрей Славный из Мариинского театра и Бадри Майсурадзе из Большого. «Швы» между двумя звуковыми мирами заделывались мастерски, однако разница подходов к профессии дирижера временами давала о себе знать. Проблемы российских вокалистов с дикцией также могли испортить впечатление: то, что в основе лежит русский текст, лично я осознал где-то к середине второго отделения, заглянув в сопроводительный буклет. Тем не менее форма этого многопланового сочинения сложилась, а содержание потрясло. Значит, все остальное неважно.

Концерты Озава прошли; что же дальше? Валерий Ворона, шеф ассоциации «Русская исполнительская школа», российского организатора Моста культуры, дал понять, что весной в рамках мероприятий, связанных с премией «Слава / Глория», Москву посетит один из членов жюри премии, который «давно или вообще никогда здесь не был». Это значит, что мы увидим или Риккардо Мути, или Дитриха Фишера-Дискау, или Анри Дютийе, или Рави Шанкара... Тогда и появится дополнительный повод сказать «спасибо» Ростроповичу.

Юрий ВАСИЛЬЕВ